



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.9>

UDC 323.2(470+571)

LBC 66.3(2Рос),15



Submitted: 01.03.2021

Accepted: 01.04.2021

WAYS OF POLITICAL MODERNIZATION OF RUSSIA
AND TRADITIONS OF POLITICAL CULTURE

Aleksander L. Strizoe

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the phenomenon of reproducing authoritarian scenario of social and political modernization of Russia in the XX century. It is noted that the stability of political tradition of authoritarian governance can be explained by the mechanisms of action of the constants of Russian political culture, the presence of a certain modernization potential in authoritarian political institutions, as well as by geopolitical and geoeconomic conditions. *Methods.* Using the general scientific principle of complementarity, the author compares sociocultural, institutional and civilizational (technological) approaches to the analysis of Russian political culture. Causal explanations in combination with the analog method make it possible to reveal the relationship between the constants of political culture and various non-political practices of social life. The systemic and sociocultural approach is used to consider homogeneity and heterogeneity in the political culture of Russia, as well as the role of values in its impact on the process of modernization. *Analysis.* The author substantiates the conclusion that explanations of the content of Russian political culture, as well as the mechanisms and stability of its impact on the political process, are to be sought in the foundations of social organization and management of Russian society, the peculiarities of maintaining its social discipline and resolving conflicts, as well as in political experience of actors. It is argued that the depth of the split in the political culture of Russia and the strength of its impact on society and the political process are exaggerated. The manifestations of the unity of value orientations and political attitudes of the elite and wide strata of the population are considered. A variant of the periodization of Russian modernization is presented, demonstrating the historical logic of solving the problems of modernization, the objective conditionality of a gradual transition from an authoritarian to a democratic way of its implementation. The article shows the possibility of using integrating values of Russian political culture to substantiate the democratic version of its development.

Key words: political modernization, political culture, values, traditions, authoritarianism, democracy, features and stages of Russian modernization.

Citation. Strizoe A.L. Ways of Political Modernization of Russia and Traditions of Political Culture. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 95-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.9>

**ПУТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ
И ТРАДИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ****Александр Леонидович Стризое**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье анализируется феномен воспроизводства авторитарного сценария социальной и политической модернизации России в XX веке. Отмечается, что устойчивость политической традиции авторитарного управления может объясняться механизмами действия констант российской политической культуры, наличием у авторитарных политических институтов определенного модернизационного потенциала, а также геополитическими и геоэкономическими условиями. *Методы.* На основе использования общенаучного принципа дополнительности сопоставляются возможности социокультурного, институционального и цивилизационного (технологического) подходов к анализу российской политической культуры. Причинные объяснения в сочетании с методом аналогий позволяют выявить взаимосвязь констант политической культуры с разнообразными неполитическими практиками социальной жизни. Системный и социокультурный подходы используются при рассмотрении гомогенности и гетерогенности в политической культуре России, а также роли ценностей в ее воздействии на процесс модернизации. *Анализ.* Автор обосновывает вывод о том, что объяснение содержания российской политической культуры, а также механизмов и устойчивости ее воздействия на политический процесс следует искать в основаниях социальной организации и управления российского общества, особенностях поддержания в нем общественной дисциплины и разрешения конфликтов, а также в политическом опыте акторов. Высказывается мнение о том, что глубина раскола политической культуры России и сила его воздействия на общество и политический процесс преувеличены. Рассмотрены проявления единства ценностных ориентаций и политических установок элиты и широких слоев населения. Представлен вариант периодизации российской модернизации, демонстрирующий историческую логику решения задач модернизации, объективную обусловленность постепенного перехода от авторитарного к демократическому пути ее осуществления. В статье показана возможность использования интегрирующих ценностей российской политической культуры для обоснования демократического варианта ее развития.

Ключевые слова: политическая модернизация, политическая культура, ценности, традиции, авторитаризм, демократия, особенности и этапы российской модернизации.

Цитирование. Стризое А. Л. Пути политической модернизации России и традиции политической культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 95–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.9>

Введение. За прошедший XX в. в России функционировали три различных по своему политическому содержанию и идеологическому оформлению государственных формы – монархически-имперская, советская и постсоветская. Все они в большей или меньшей мере пытались решать задачи экономической и социально-политической модернизации страны. При этом всякий раз, за исключением кратких периодов, в новых социально-исторических условиях в отношениях народа и власти воспроизводилась авторитарная традиция. Этот феномен устойчивости авторитарной политической традиции нуждается в анализе и осмыслении хотя бы потому, что сегодня и общество, и власть, и

российское политическое знание оказались перед необходимостью ответить на вопросы о перспективах изменения сложившегося политического устройства страны, а также о векторах ее социальной и идеологической трансформации.

Методы. В первом приближении устойчивость политической традиции авторитарного управления может объясняться механизмами действия констант российской политической культуры, среди которых, по общему мнению, доминируют авторитарные или близкие к ним ценности и смыслы. Принятие этой гипотезы сталкивается с необходимостью понять, как внутренне гетерогенная и, более того, расколота, по мнению многих исследо-

вателей (см., например: [4; 11; 12; 15]), российская политическая культура смогла оказать столь явное и устойчивое воздействие. С начала XX в. кардинально изменилась культура российского общества и образ жизни всех его слоев. Ценности индустриального модерна, индивидуальной свободы и выбора, городского уровня и стиля жизни, вестернизированной (в том числе по-советски) массовой культуры не могли не сказаться на традициях социального управления и политической коммуникации. Возникает вопрос о мере и тенденциях изменения российского авторитаризма и перспективах его сохранения как среды и одного из важнейших архетипов российской модернизации.

Второй возможный подход к объяснению авторитарного тренда российской модернизации восходит к обоснованной еще Т. Гоббсом идее, согласно которой изъятие у общества политических прав при сохранении гражданских (в том числе «права на самостоятельно усмотренную выгоду», на интеллектуальную автономию и автономию частной жизни), фактически создающее авторитарный режим, может обеспечить одновременно и социально-экономическое развитие, и социально-политический порядок (см. подробнее: [19, с. 118–121]). Опыт диктатуры О. Кромвеля и последовавшая затем «Славная революция» 1688 г., явившая миру компромисс либерального и консервативного крыла английской элиты, показали возможности авторитаризма как гаранта успешного развития процесса модернизации. Незавершенность российской модернизации в XX в. при слабости демократически ориентированных политических сил делала неизбежным скатывание к авторитарному сценарию трансформации общества и государства.

Третью возможность обоснования устойчивости авторитарного режима социально-политического управления дает нам рассмотрение геополитического и геоэкономического контекста развития России в XX веке. Самая большая в мире сухопутная граница в сочетании с растущей и часто принимающей насильственные формы борьбы соседних народов и государств за независимость и политическое самоутверждение требовала не только мощной армии, но и способности к быстрой мобилизации необходимых в кризисных

ситуациях социальных ресурсов. Постепенное истощение удобно расположенных минеральных и сырьевых ресурсов повышало их стоимость, создавало риски дефицита и требовало, особенно в экстремальных условиях, централизованного контроля за их распределением. Эти факторы обуславливали существование большого централизованного аппарата власти и управления. Именно такие «жесткие» с точки зрения системного подхода организации могут обеспечить единство действий различных социальных сил в чрезвычайных ситуациях, а также концентрацию и распределение дефицитных ресурсов жизнеобеспечения и развития в интересах всего социального целого.

Представляется необходимым сопоставить эти подходы, выявив их взаимосвязь и взаимную дополнительность. Опираясь на принцип детерминизма и метод аналогий, можно представить варианты описания проявлений гомогенности российской политической культуры. Объяснение исторической инерции авторитарных тенденций политической культуры России и возможности актуализации ее демократических тенденций позволит выявить роль в этом процессе объединяющих ценностей и ценностных ориентаций.

Анализ. Среди выделенных нами вариантов объяснения устойчивости авторитарной политической традиции второй и третий раскрывают ее цивилизационно-технологические и организационно-управленческие основания. Оба эти варианта описывают, по существу, объективные условия развития российского политического процесса, детерминирующее влияние которых совпадает с мотивирующим действием констант политической культуры. Выделение этих оснований и выявление их связи с константами политической культуры важны для понимания ее укорененности в разнообразных неполитических практиках социальной жизни. Подчеркнуть это обстоятельство следует еще и потому, что достаточно часто встречаются попытки обусловить содержание политической культуры преимущественно политическими факторами. Например, как пишет Н.С. Сабирова, «политическая культура – это часть политико-правовой системы, всецело зависящая от политического режима государства» [16, с. 146].

По нашему мнению, истоки объяснения содержания той или иной политической культуры, а также механизмов и устойчивости ее воздействия на политический процесс следует искать, прежде всего, в основаниях социальной организации и управления конкретных обществ, особенностях поддержания в них общественной дисциплины и разрешения конфликтов, а потом уже в историческом и политическом опыте. Логику такого подхода к интерпретации политических ценностей как составного элемента политической культуры выразил Э. Шилз: «Центральная система ценностей имплицитно связана с более фундаментальным началом, чем власть. Власть является носителем принципов порядка, которые, однако, выходят за ее собственные рамки и служат средством ее регуляции или, по крайней мере, служат стандартом, на основе которого оценивается существующая власть» [24, с. 163]. Принципы социального порядка и жизнеустройства, о которых говорил Э. Шилз, выражают смысл установок и ориентаций, вплетенных в практики повседневности и легитимированных обычаями, моралью, религией, опытом многих поколений. Все это воплощает совокупный цивилизационный и социокультурный опыт, обладающий значительной исторической инерцией и выходящий по своему содержанию за границы весьма подвижных и изменчивых смысловых полей политико-идеологических концептов, и во многом объясняет устойчивость констант самой политической культуры.

Обратимся теперь к вопросу о структурной гетерогенности российской политической культуры. Концепция социокультурного раскола как основной специфической черты российской истории, восходящая к известной позиции Н. Бердяева [1, с. 7, 16], приобрела в последние десятилетия свое «второе дыхание» в трудах А.С. Ахиезера. Не отрицая факта неоднородности и гетерогенности российской культуры вообще и политической в частности, мы полагаем, что глубина ее раскола и сила его воздействия на общество и политический процесс в нашей социальной и политической теории несколько преувеличены. С точки зрения концепции раскола и отсутствия органического единства в российской истории и культуре трудно объяснить тот факт, что освоение евразийского пространства обеспечило

гегемонию русской культуры в имперский и советский периоды российской истории, как наиболее зрелой и развитой, сохранив в то же время культурное разнообразие этого пространства. При этом, несмотря на наличие в русской культуре, как и во всякой другой, консервативных идей и деструктивных начал, ее прогрессивное содержание и конструктивное влияние на иные, в том числе не только евразийские, народы и культуры не отрицается самими разными исследователями.

В кризисные периоды политической истории России XVII–XX вв. мы могли наблюдать социально-политическую консолидацию общества, совпадение установок и ориентаций «верхов» и «низов», позволявших избавиться от угроз внешнего завоевания и сохранить страну, найдя новые условия баланса сил и интересов. Эта консолидация базировалась, прежде всего, на объединяющей все основные слои российского общества ценности государства. Сущность и предназначение государства могли пониматься по-разному, но сам факт угрозы его существованию и сохранению как независимой, суверенной политической силы, олицетворяющей народ и страну, оказывался достаточным, чтобы глубокие социально-экономические и политико-идеологические различия, разделяющие русское общество, временно отходили на второй план.

И «верхи», и «низы» российского общества в период индустриальной модернизации второй половины XIX – начала XXI в. во многом были едины в понимании отношений государственной власти и народа как отношений патрона и клиента. Даже сегодня большинство российских граждан склонно избирать не позицию активного гражданского участия, а позицию стороннего наблюдателя за ходом политического процесса, заинтересованного получателя государственных субсидий, социальной помощи и льгот. Модель патроната – клиентеллы, доминировавшая в советский период в организационных отношениях на промышленном производстве, не только сохранилась в постсоветских государственных корпорациях, но и воспроизводилась в частном бизнесе и многих иных социальных организациях.

Большая часть российской политической элиты, равно как и сообщества граждан-под-

данных, ассоциировала государственную (политическую) власть, прежде всего, с силой – императивным принуждением, волевым актом, действием, быстро и радикально меняющим положение дел в стране. Этим объясняется тот факт, что доминирующие черты образа политика в современном семантическом поле власти совпадают в большей мере с чертами образа «государственного человека», «представителя исполнительной власти», должностного лица, губернатора, чем с образами «публичного политика», «партийного лидера», «депутата». Попытки кардинально изменить ситуацию предпринимались, но фактически ничего не меняли. Так, в свое время В.И. Ленин критиковал современные ему парламентские учреждения стран Европы за фактическое полное подчинение исполнительной власти крупному капиталу, настаивая на переходе к советской системе, альтернативной парламентаризму (см., например: [9, с. 46; 10, с. 255]). Но уже в 1922 г. сотрудничавший с большевиками профессор права М.А. Рейснер в статье «Централизация, разделение функций и Советы» признавал существование сходной проблемы: «Совдепия превращается в Исполкомию» (цит. по: [13, с. 52]). Аналогичным образом попытки выстроить систему реального разделения властей без перекоса в сторону исполнительной власти, предпринятые в России в 1992–1993 гг., закончились силовым сценарием изменения соотношения сил во власти и конституционным закреплением «суперпрезидентской республики».

И российский политический класс, и рядовые граждане в системе приоритетов политического действия при выборе средств действия предпочитают прямой, непосредственный контакт с представителями власти или целевой аудиторией политико-правовой процедуре, последовательному движению по инстанциям, обсуждениям и согласованиям. В разные эпохи этот прямой контакт принимал формы то «челобитных и писем трудящихся», то доносов и «сигналов с мест», то поездок первых лиц по стране, «прямых линий» и «телевизионных мостов». При этом с обеих сторон предполагалось, что именно в непосредственном прямом контакте открывается без промежуточных искажений истина действительного положения дел, «правда жиз-

ни», реальная политическая ситуация. В соответствии с этим формировались и оценки эффективности действий как управляющих, так и управляемых: и власть и граждане «прощали» друг другу отклонения от норм, правил и процедур, отдавая предпочтение реально полученным результатам, будь то усиление державной мощи или изменения в жизни простых людей. Краткие и во многом случайные моменты психоэмоционального резонанса, возникающие в непосредственном контакте отдельных представителей «верхов» и «низов», ценились больше, чем длительная, устойчивая, хорошо организованная работа больших масс людей.

Во многом сходны и стили политической активности российских «верхов» и «низов». Во-первых, это сходство обнаруживается в дискретности усилий. О трудовых проявлениях такой дискретности писал еще В.О. Ключевский. А.И. Уткин относил ее к одной из черт национального характера русских [23, с. 513–514]. По нашему мнению, это уникальное чередование крайней степени активности с колоссальной инертностью и почти ничем не пробиваемой пассивностью имеет и политическую проекцию: кардинальные ломки прежнего политического уклада, беспощадные «русские бунты» сменялись в истории нашей политической модернизации периодами консервативного застоя и «загнивания», когда начатые реформы сворачивались, а социальные проблемы накапливались и обострялись, приводя к распаду социальных связей и деградации институтов власти и управления. Импульсивность реакций, волонтаризм порывов и кампанейщина, когда сиюминутные увлечения способны затмить все иные, в том числе стратегические цели, хорошо знакомы российской политической практике.

Вторым проявлением такого сходства политических стилей, во многом дополняющим первое, является политическая бескомпромиссность, доминирующая и в элите, и в массе, неумение и нежелание идти на взаимные уступки в выстраивании политического порядка и отношений между народом и властью. Обычно эту неуступчивость российские исследователи справедливо адресуют политической власти. Так, В.М. Сергеев констатирует: «Историческим проклятием россий-

кой элиты является ее “недоговороспособность”, неумение и, главное, нежелание договариваться с обществом. Именно “самодержавный произвол” погубил российскую монархию в 1917 г., привел к распаду СССР, поставил “новорожденную Россию” на край распада и гибели в 1993 г.» [17, с. 21]. Однако существует не менее серьезная проблема публичного обсуждения и взаимного согласования общих интересов, а также организации совместных действий, во-первых, между различными группами граждан, а во-вторых, между гражданами и активистами, постоянными участниками и руководителями общественных организаций и объединений. Неэффективность такого взаимодействия создает ситуацию, когда, по словам В.Л. Римского, «у большинства активистов не складывается понимания политики как совокупности средств и методов решений важнейших общественных проблем, а неумение и нежелание договариваться о совместных решениях понижает уровень их реальной значимости» [15, с. 67].

При этой неуступчивости противостоящим силам и интересам и власть и общество в России всегда были более лояльны и снисходительны к «своим», «единокровным», близким по кланово-корпоративному или сословному духу представителям. Отмеченное в русской литературной классике желание «Ну как не порадовать родному человечку!» хорошо знакомо представителям и «верхов», и «низов». Оно проявлялось в суррогатах социальной солидарности, когда они, «закрывая глаза» на многие их «прегрешения» и «слабости», часто шли в сообществе «своих» – светском, деловом, чиновничьем, общинном, соседском, – на неоправданные компромиссы и сомнительные сделки. Одновременно с этим виновники неудач, ошибок и «перегибов», как правило, находились не в своей среде: ими могли быть и простые «стрелочники» на местах, и «голова», которая у рыбы гниет, как известно, первой...

Описанные нами проявления единства политической культуры России объясняют устойчивость основ российского политического порядка, в котором сложились парадоксальные отношения между народом и властью, обществом и государством. Характеризуя эту парадоксальность, В.Б. Пастухов от-

мечал, что «русскому обществу с государством всегда плохо, а без государства невозможно» [11, с. 111]. Аналогичное можно сказать и о русском государстве, которое всегда тяготилось своими социальными функциями, но было неспособно решить важнейшие задачи самосохранения и развития без мобилизации широких слоев населения. Парадоксальность этих отношений во многом объясняет и долготерпение «низов», и самоуверенный консерватизм «верхов», признававших необходимость смены политических декораций и модернизационных усилий исключительно в ситуации внешнего давления, угрожающей их благополучию и безопасности.

Непоследовательность модернизационных устремлений, обусловленная слабостью прогрессистски настроенной элиты и относительной малочисленностью ее поддержки в обществе, наталкивалась на активное неприятие и пассивный саботаж не только среди консервативно настроенных «верхов», но и среди значительной массы «низов» города и деревни. При этом желание сторонников модернизации ликвидировать наиболее острые противоречия, вопиющие несправедливости и безнадежно отжившие нормы и учреждения одобрялось и даже поддерживалось большинством, но всякий раз, когда за первыми шагами обновления стала просматриваться необходимость долговременной и систематически организованной работы по кардинальному изменению социально-политического порядка и привычного уклада жизни, число сторонников перемен заметно сокращалось, а их позитивное содержание выхолащивалось. Тот факт, что политическая модернизация «сверху» осуществлялась без привлечения широких слоев населения, часто объясняется незаинтересованностью элиты в реальной демократизации общества. Однако этот факт может быть объяснен также нежеланием и неспособностью широких слоев населения, в частности, в силу ограниченности их социального опыта и интересов, расширять горизонты своей повседневной жизни, использовать открывшиеся возможности включения в публичные общественно-политические процессы. Причины и проявления этого достаточно подробно исследованы в литературе (см.: [7; 14; 15; 18; 22]).

С определенными оговорками авторитарная политическая культура может быть согласована и с курсом на модернизацию политической системы. Это обусловлено не только тем, что демократические политические нормы и формы организации далеко не сразу наполняются адекватным содержанием, практиками гражданского участия, реального плюрализма, парламентаризма и гражданского контроля, а политико-правовые инновации, воплощающие цивилизационный прогресс, обгоняют социокультурную эволюцию социума. Дело еще и в том, что модернизация и в своих первичных, органических проявлениях в Англии или во Франции, и в иных, вторичных, догоняющих формах далеко не сразу решала свои исторические задачи.

Эта историческая стадийность, различающаяся не только содержанием, но и глубиной трансформации социума, в «снятом» виде присутствует и в современных теоретических моделях модернизации. Так, П. Штомпка выделяет три толкования модернизации: 1) историческое (модернизация – это вестернизация или американизация); 2) релятивистское («инновации в моральных, этических, технологических и социальных установках, которые вносят свой вклад в улучшение условий человеческого существования»); 3) аналитическое (модернизация – комплекс структурных изменений, формирующий специфический, современный тип личности) [25, с. 173–175]. Представляется, что эта классификация подходов может быть развернута темпорально, как периодизация углубляющегося процесса социальной трансформации.

Первым этапом модернизации в этом случае выступает политика, в которой доминирует внешнее копирование образцов социальной и политической организации стран-лидеров модернизации. В российской истории это период реформ второй половины XIX в., также период 1905–1907 годов. Второй этап предполагает наряду с социально-экономической институциональной трансформацией изменение политической архитектуры – конструирование политических институтов, основанных, говоря языком Дж. Ролза, на справедливости и иных социально значимых добродетелях. Это конструирование призвано обеспечить, прежде всего, эффективное функциони-

рование макросоциального порядка, одной из сторон которого был бы прогресс в социально-гуманитарной сфере. Попыткой решить эти задачи был, по нашему мнению, советский и отчасти постсоветский этап российской модернизации.

Наконец, третий этап модернизации предполагает такую структурную перестройку социальных и политических институтов, которая, наряду с созданием условий инновационного развития сложившегося порядка, затрагивала бы и обновление практик повседневности и тем самым выходила бы на уровень изменения личностных характеристик человека. Тем самым возникает возможность достижения оптимального соответствия практик гражданского демократического участия с системой ценностей и ориентаций образа жизни личности. Современная повестка дня в политико-правовой сфере приближает российское общество к решению этих задач. Это позволит в максимально возможной, по сравнению с предыдущими этапами модернизации, мере наполнить демократические формы соответствующими их духу практиками, минимизировать авторитарные проявления российской политической культуры.

Одними из итогов осуществленной в России модернизации стало формирование определенного типа личности, доминирующего в обществе. По словам В.Б. Пастухова, Россия «встала рядом с Европой. Она вошла в шеренгу культур “победившей индивидуальности”, но заняла в этой шеренге самое крайнее место. Потому что индивидуализация в России не сопровождалась персонализацией. “Советский человек” оказался больше именно индивидом, чем личностью. “Азиатчина” была вытеснена из его сознания в его подсознание» [11, с. 116]. Эту оценку подтверждают и российские социологи, указывающие на атомизацию российского общества и низкий уровень социальной солидарности в нем, без которой трудно представить демократически организованную гражданскую активность.

Как справедливо отмечал Дж. Дьюи, «Демократия гораздо шире, чем особая политическая форма, чем способ организации управления... Она есть нечто более широкое и глубокое. Она... есть образ жизни, социальный и индивидуальный» (цит. по: [20, с. 16]).

При этом в основе этого образа жизни лежит личный опыт жизни в коллективе, совместного решения общих проблем. По мысли Дж. Дьюи, «Ясное осознание того, что представляет собой жизнь в ассоциации во всех ее аспектах, и составляет идею демократии» [6, с. 109]. Проповедуя ценности коллективизма в официальной идеологии, советский социализм во многом извращал и сковывал бюрократическим контролем и заорганизованностью личную инициативу и коллективную самоорганизацию, убивая тем самым ростки демократии. Без современных форм культивирования этих черт личности вряд ли возможно рассчитывать на успех институциональной политической модернизации.

Выход на личностный уровень модернизационных изменений возможен, поскольку на предшествующих этапах социальных трансформаций были созданы не только институциональные и политико-правовые формы современной демократии, но и такие ее социокультурные предпосылки, как урбанизация общества и формирование модернизационно ориентированной массовой культуры. Масштаб и значение решения этих задач, как показала история перестройки и постсоветских реформ, все еще не осознаны в достаточной мере политической элитой российского общества.

Во второй половине XX в. СССР превратился в городское общество с кардинально новой поселенческой структурой, потребностями и культурой. Сегодня электоральный ландшафт России определяют более десятка городов-миллионников и крупных городов, оказывающих инновационное воздействие на настроения, образ жизни и развитие значительного ареала сельских территорий. Городская субкультура генерирует и воспроизводит важные для демократической политики ценности информации, знания, инноваций, личного достоинства, плюрализма и самоорганизации. Важнейшим результатом модернизационного процесса в XX в. было формирование советской массовой культуры, ориентированной на смысловые и эстетические ценности интеллигенции. Сама советская интеллигенция, привыкшая к положению культурного авангарда, постоянно оппозирующего политико-идеологическому официозу, настолько увлеклась ставшими ей доступны-

ми в конце 80-х гг. западными культурными модами и стандартами, что не заметила полной утраты своих позиций в отечественной массовой культуре. Сегодня роль «законодателей мод» в российской массовой культуре играют ценности и стандарты англо-саксонской массовой культуры, а также дворово-криминальной субкультурной архаики, а также соответствующие им установки и образцы политического сознания и поведения в публичной сфере. Тем не менее в ней не утрачены стремление к образованию, индивидуальному самовыражению, свободному выбору, чувства ответственности и терпимости к иным взглядам, значимые для решения задач модернизации.

Уже с конца 50-х гг. XX в. наше общество испытывает на себе неуклонно нарастающие, разнообразные по содержанию и направленности глобальные цивилизационные и социокультурные влияния. Их отражением являются динамика потребностей и ценностей как личности, так и широких слоев населения, их растущее разнообразие и усложнение. Выражением этого является тенденция к росту социальной активности, стремление граждан к социальной автономии и самоорганизации. Попытки советского, а затем и постсоветского консерватизма остановить эти процессы, представив их как катастрофическое по своим последствиям разрушение традиционной идентичности и противопоставив им разные варианты изоляционизма, как показывает политический опыт, несмотря на их возможный временный успех, лишены исторической перспективы.

Ориентированная на национальные интересы стратегия социально-политической модернизации не может игнорировать объективные процессы глобализации и информационной открытости. Ответом на эти вызовы является постоянное совершенствование форм и средств управления социальной активностью. В свете этого весьма актуальны высказанные почти век назад соображения Дж. Дьюи: «Демократию надо постоянно открывать и переоткрывать заново, переделывать и преобразовывать; воплощающие ее политические, экономические и социальные институты должны все время меняться и перестраиваться с учетом тех сдвигов, которые происходят по мере фор-

мирования у людей новых потребностей и появления новых источников их удовлетворения... Демократия как форма жизни не может стоять на месте. Чтобы жить, ей нужно развиваться в соответствии с переменами, уже свершившимися и только грядущими. Если демократия не движется вперед, если пытается остаться неизменной, она вступает на путь регресса, ведущий к ее угасанию» (цит. по: [20, с. 12]). Одним из проявлений такого регресса и угасания являются проавторитарные по духу и содержанию тенденции к имитации демократической идеологии, ценностей, практик и процедур, своеобразные «симулякры демократии», существующие в политической культуре современных сложноорганизованных обществ.

Развитие современных социальных и политических технологий, апеллирующих к социокультурным основаниям управления массовым политическим поведением, делает актуальным выявление и использование демократического потенциала российской политической культуры. Прежде всего, отметим, что демократические традиции и тенденции всегда присутствовали в российской политической культуре, проявляясь в общинной, сословно-корпоративной, либеральной и социалистической формах. Напомним, что даже в махрово-консервативной черносотенной среде этот демократизм, по мнению В.И. Ленина, присутствовал: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это – темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий» [8, с. 19]. Демократические проявления политической культуры противостояли авторитарным в той мере, в какой были сильны и последовательны их представители в самом обществе, а также в элите. Такая сила во многом поддерживается социально-экономической политикой, использующей логику развития и возможности цивилизационно-технологического и культурного прогресса. Не меньшую роль играет и создание демократических политико-правовых институтов, особенно на локальном и муниципальном уровне.

Важным фактором консолидации сторонников демократически ориентированной модернизации являются объединяющие ценнос-

ти и связанные с ними ориентации политического поведения. Их актуализация могла бы снизить риски социально-политического раскола общества. Такая актуализация базируется на возможности переинтерпретации ценностей в современном обществе. Ценностный релятивизм, подвижность и размытость границ большинства базовых ценностей и культурных норм допускает наличие нескольких вариантов их интерпретаций, часто дополняющих друг друга. Как писал А. Турен, нужно отличать «культурные ориентации, составляющие систему исторического действия, от социальных норм, которые служат инструментами воспроизводства и легитимации установленного порядка» [21, с. 73]. Это отличие позволяет видеть различные средства и варианты достижения общих целей, сохранения общих идеалов и ценностей в современном плюралистическом обществе с его гибкими институциональными и сетевыми структурами. Одной из основ плюрализма путей и средств действия сегодня является изменение соотношения индивидуального и коллективного начал в технологической и экономической организации общества. Выражением этого изменения стали полиморфизм собственности в современной экономике, конвергентные тенденции в образе и стиле жизни. Практически – политической проекцией этих процессов стало появление и широкое распространение современных идеологических концептов, построенных на основе сочетания элементов классических мировоззренческих доктрин. Среди них можно назвать социал-либерализм, социал-демократизм, социал-консерватизм, либеральный консерватизм.

Если говорить о ценности сильного государства, то наравне с ее традиционным военно-державным и запретительно-ограничительным истолкованием сегодня необходимо культивировать понимание государства как умной, справедливой, «мягкой» силы, противостоящей не только классическим внешним угрозам, но и таким современным вызовам, как экстремизм и терроризм, организованная преступность и коррупция, различные формы мошенничества. Очевидно также, что умная и «мягкая» сила государственной справедливости проявляется в современной экономической и социальной политике, стимулирующей не

только деловую активность, но и иные ее проявления, значимые для общества. При этом важнейшая для российской политической культуры ценность справедливости, как показывают последние данные ВЦИОМ, все больше воспринимается гражданами не эгалитарно (примерно одинаковый для всех уровень жизни – 17 %), а либерально-демократически (равенство всех перед законом – 32 %) [3].

Интерпретация функции государственного патроната сегодня должна быть скорректирована с учетом изменения ее адресной направленности. Традиционно патронат органов власти связывался с защитой социально уязвимых слоев и групп, в отношении которых в российском обществе сложился устойчивый консенсус (семьи, имеющие детей, инвалиды, ветераны, пенсионеры). Однако необходимость минимизировать новые риски и вызовы требует поддержки инновационно ориентированных социальных слоев и групп, которые обеспечивают ускоренное научно-технологическое развитие страны, поддержания здоровья общества и его медико-биологической безопасности. Их политическое сознание в большей мере ориентировано на демократические ценности, активность и самостоятельность, а потому государственный патронат в их отношении связан с созданием условий для этого, со стимулированием развития их социального капитала.

Ценность прямого действия проявляет себя в современной политической культуре не только в формах локальных (муниципальных, поселенческих) референдумов и голосований. Электронные средства коммуникации во все большей мере превращают прямые обращения граждан к органам и представителям власти в часть повседневной жизни, требуют придать этому взаимодействию характер диалога [2, с. 68–69; 5, с. 25]. Развитие и совершенствование таких форм демократического участия предполагает повышение их прозрачности и эффективности, превращение их в форму постоянного гражданского контроля за принятием решений, особенно на местном уровне. В современном обществе возникают возможности демократического прочтения таких особенностей российской политической культуры, как ограниченность (пунктирность) компромиссов и дискретность усилий и граждан-

ской активности. В условиях растущей социальной мобильности бесконфликтная адаптация мигрантов в местных сообществах требует от принимающей стороны обозначить средствами межкультурной коммуникации как круг вопросов, при решении которых мигранты должны принять и соблюдать сложившийся нормативный порядок, так и сферу, где сохраняется их локальная автономия. Необходимость этого обусловлена тем, что неполитические по своей природе культурные нормы и традиции гендерного, конфессионального и кланово-корпоративного характера нельзя полностью стереть или игнорировать. Однако, не будучи ограничены, они могут провоцировать политические конфликты. Аналогичный принцип пунктирности нормативных запретов и дозволений, по нашему мнению, должен сохраняться и при решении проблем ряда других сообществ, например, субкультурных или маргинальных. Насыщенность современного общества рисками и чрезвычайными ситуациями ставит вопрос о таких режимах управления и политического реагирования, при которых необходимы кратковременные активные массовые действия в сочетании со строгими массовыми ограничениями. В современном политическом и социокультурном пространстве, в котором ни политические действия, ни их отсутствие не могут носить абсолютного, неограниченного характера, многие черты российской культуры и ментальности могут получить новые истолкования и проявления. Социальные технологии XXI в. дают возможности для подобного демократически ориентированного политического конструктивизма.

Выводы. Ценности и традиции российской политической культуры отражают не только исторический и политический опыт общества, но и социокультурный опыт самосохранения, управления и развития. Достижение этих целей предполагает интеграцию и консолидацию дифференцированного во многих отношениях сообщества. По мере решения задач социальной и политической модернизации в XX в. доминирование авторитарных тенденций в российской политической культуре ослаблялось. Современный этап развития России создает предпосылки для демократического решения задач политической модер-

низации при снижении вероятности раскола общества. Важную роль в снижении рисков раскола может сыграть переинтерпретация интегрирующих ценностей российской политической культуры, отражающая социокультурную специфику начала XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Париж : YMCA-PRESS, 1955. – 160 с.
2. Бессонова, О. Э. Гражданские жалобы как демократический механизм обратной связи / О. Э. Бессонова // Социологические исследования. – 2019. – № 1. – С. 63–74.
3. ВЦИОМ: аналитический обзор. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/spravedlivaja-rossija-za-pravdu-i-patrioty-rossii-perspektivu-obedinenija> (дата обращения: 26.02.2021). – Загл. с экрана.
4. Глебова, И. И. Политическая культура современной России: новые расколы / И. И. Глебова // Россия и современный мир. – 2006. – № 1. – С. 17–39.
5. Голуб, О. Ю. Современные модели социального диалога с использованием электронной коммуникации: региональное измерение / О. Ю. Голуб // Siberian Socium. – 2020. – Т. 4, № 2 (12). – С. 21–31.
6. Дьюи, Дж. Общество и его проблемы / Дж. Дьюи. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 160 с.
7. Левашов, В. К. Политическая культура современного российского общества: социологическое измерение и практики / В. К. Левашов // Социологические исследования. – 2018. – № 7. – С. 50–60.
8. Ленин, В. И. О черносотенстве / В. И. Ленин // Полное собр. соч. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 24. – С. 19.
9. Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин // Полное собр. соч. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1962. – Т. 33. – 433 с.
10. Ленин, В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский / В. И. Ленин // Полное собр. соч. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1963. – Т. 37. – 579 с.
11. Пастухов, В. Б. Государство раскольников. Карма российской власти / В. Б. Пастухов // Общественные науки и современность. – 2011. – № 5. – С. 105–117.
12. Патрушев, А. И. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России / А. И. Патрушев, А. Д. Хлопин // Россия реформирующаяся. – 2007. – № 6. – С. 301–318.
13. Петербургский, М. Ю. Классовая интерпретация психологической теории права по М.А. Рей-

снеру / М. Ю. Петербургский // Право и политика. – 2018. – № 10. – С. 48–57.

14. Петухов, В. В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик / В. В. Петухов // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 21–31.
15. Римский, В. Л. Политическая и общественная активность российских граждан / В. Л. Римский // Общественные науки и современность. – 2007. – № 5. – С. 60–68.
16. Сабирова, Н. С. Модель политической культуры современной России / Н. С. Сабирова // Власть. – 2020. – № 6. – С. 146–150.
17. Сергеев, В. М. Исторические истоки русской политической культуры / В. М. Сергеев // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 8–22.
18. Соловьев, А. И. Культура и политика: контуры взаимодействия в современной России / А. И. Соловьев // Власть. – 2020. – № 6. – С. 300–304.
19. Стризов, А. Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия / А. Л. Стризов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 340 с.
20. Стур, Дж. Дж. Открывая демократию заново. Статья 1 / Дж. Дж. Стур // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 5. – С. 12–24.
21. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – М. : Научный мир, 1998. – 204 с.
22. Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России. ФОМ. Итоговый отчет по проекту. – М. : ФОМ, 2014. – 192 с.
23. Уткин, А. И. Русские войны. Век XX-й / А. И. Уткин. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2008. – 528 с.
24. Шилз, Э. Власть и ценности / Э. Шилз // Сравнительное изучение цивилизаций / сост. Б. С. Ерасов. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 556 с.
25. Штомпка, П. Социология социальных изменений : пер. с англ. / П. Штомпка ; под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

REFERENCES

1. Berdiaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origin of Russian Communism]. Paris, YMCA-PRESS, 1955. 160 p.
2. Bessonova O.E. *Grazhdanskie zhaloby kak demokraticeskii mekhanizm obratnoi sviazi* [Civil Complaints as a Democratic Feedback Form]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2019, no. 1, pp. 63-74.
3. *VTsIOM: analiticheskii obzor* [Russian Public Opinion Research Center (VCIOM): Analytical Review]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/spravedlivaja-rossija-za-pravdu-i>

patrioty-rossii-perspektivy-obedinenija (accessed 26 February 2021).

4. Glebova I.I. Politicheskaja kultura sovremennoj Rossii: novye raskoly [Political Culture of Contemporary Russia: New Cleavages]. *Rossija i sovremennyyi mir* [Russia and the Contemporary World], 2006, no. 1, pp. 17-39.

5. Golub O.Iu. Sovremennye modeli sotsialnogo dialoga s ispolzovaniem elektronnoy kommunikatsii: regionalnoe izmerenie [Contemporary Models of a Social Dialogue Using Electronic Communication: The Regional Dimension]. *Siberian Socium*, 2020, vol. 4, no. 2 (12), pp. 21-31.

6. Dewey J. *Obshchestvo i ego problemy* [The Public and Its Problems]. Moscow, Idea-Press Publ., 2002. 160 p.

7. Levashov V.K. Politicheskaja kultura sovremennogo rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie i praktiki [Political Culture of Modern Russian Society: Sociological Dimension and Practices]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2018, no. 7, pp. 50-60.

8. Lenin V.I. O chernosotenstve [The Black Hundreds]. *Polnoye sobraniye sochinenij*, Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961, vol. 24, p. 19.

9. Lenin V.I. Gosudarstvo i revoliutsiia [The State and Revolution]. *Polnoye sobraniye sochinenij*, Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962, vol. 33. 433 p.

10. Lenin V.I. Proletarskaja revoliutsiia i renegat Kautskii [The Proletarian Revolution and the Renegade Kautsky]. *Polnoye sobraniye sochinenij*, Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963, vol. 37. 579 p.

11. Pastukhov V.B. Gosudarstvo raskolnikov. Karma rossiiskoi vlasti [The State of Dissenters]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 2011, no. 5, pp. 105-117.

12. Patrushev A.I., Khlopin A.D. Sotsiokulturnyi raskol i problemy politicheskoi transformatsii Rossii [Sociocultural Cleavage and Problems of Russia's Political Transformation]. *Rossija reformiruiushchiasia*, 2007, no. 6, pp. 301-318.

13. Peterburgskii M.Yu. Klassovaja interpretatsiia psikhologicheskoi teorii prava po M.A. Rejsneru [Class Interpretation of the Psychological Theory of Law According to M.A. Rejsner]. *Pravo i politika*, 2018, no. 10, pp. 48-57.

14. Petukhov V.V. Grazhdanskoe uchastie v sovremennoj Rossii: vzaimodeistvie politicheskikh i

sotsialnykh praktik [Civic Participation in Russia Today: Interaction of Social and Political Practices]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2019, no. 12, pp. 21-31.

15. Rimskii V.L. Politicheskaja i obshchestvennaja aktivnost rossiiskikh grazhdan [Political and Social Activities of Russian Citizen]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 2007, no. 5, pp. 60-68.

16. Sabirova N.S. Model politicheskoi kultury sovremennoj Rossii [Model of Political Culture of Modern Russia]. *Vlast*, 2020, no. 6, pp. 146-150.

17. Sergeev V.M. Istoricheskie istoki russkoi politicheskoi kultury [Historical Origins of Russian Political Culture]. *Polis. Politicheskije issledovaniia* [Polis. Political Studies], 2012, no. 4, pp. 8-22.

18. Soloviev A.I. Kultura i politika: kontury vzaimodeistviia v sovremennoj Rossii [Culture and Politics: The Contours of Interaction in Modern Russia]. *Vlast*, 2020, no. 6, pp. 300-304.

19. Strizoe A.L. *Politika i obshchestvo: sotsialno-filosofskie aspekty vzaimodeistviia* [Politics and Society: Socio-Philosophical Aspects of Interaction]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1999. 340 p.

20. Stuhr J.J. Otkryvaia demokratsiiu zanovo. Statia 1 [Rediscovering Democracy. Article 1]. *Polis. Politicheskije issledovaniia* [Polis. Political Studies], 2003, no. 5, pp. 12-24.

21. Touraine A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuiushchego. Ocherk sotsiologii* [Return of the Actor. Essay on Sociology]. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 1998. 204 p.

22. *Usloviia aktivizatsii grazhdanskogo uchastii v malykh i srednikh gorodakh Rossii. FOM. Itogovy otchet po projektu* [Conditions for Activating Civil Participation in Small and Medium-Sized Cities of Russia: Final Report on the FOM (Public Opinion Foundation) Project]. Moscow, FOM, 2014. 192 p.

23. Utkin A.I. *Russkie voiny. Vek XX-i* [Russian Wars: The Twentieth Century]. Moscow, Algoritm; Eksmo Publ., 2008. 528 p.

24. Shils E. Vlast i tsennosti [Power and Values]. Erasov B.S., ed. *Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsii* [Comparative Study of Civilizations]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999. 556 p.

25. Sztompka P., Yadov V.A., ed. *Sotsiologija sotsialnykh izmenenii* [The Sociology of Social Change]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 416 p.

Information About the Author

Aleksander L. Strizoe, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Sociology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, strizoe@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

Информация об авторе

Александр Леонидович Стризове, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, strizoe@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>